

Они не увидят света

Осипов Г.К.

Москва, ГБПОУ Колледж полиции, кадетский корпус, 9 класс

Руководитель: Кошкина Людмила Михайловна, учитель русского языка и литературы, ГБПОУ «Колледж полиции», г. Москва.

Этот рассказ был написан под впечатлением от посещения Аджимушской каменоломни в городе Керчь, где мы с родителями побывали этим летом. Там мы узнали о том, как солдаты и их командиры почти полгода держали оборону после поражения наших войск на Крымском фронте. Героический гарнизон потерял надежду, но не сдался.

1942 год. В результате наступательной операции немцев последние силы Красной армии были выбиты отовсюду. Полковник Ягунов с гарнизоном солдат направился в Аджимушские каменоломни, чтобы держать оборону. В центральных пещерах разместились десять тысяч человек. В малых Еврейских катакомбах находилось три тысячи человек. Сначала немцы не понимали, откуда идут атаки, но вскоре местоположение гарнизона было обнаружено.

Одной из самых больших проблем была вода. За ней приходилось ходить к колодцу, делая вылазки из пещер. Смертельная опасность подстерегала на каждом шагу: ведь пробираться нужно было по территории, занятой немцами. Сделать это можно было только под артиллерийским прикрытием.

— Костя, тебе ведь приказали воду добывать? — спросил меня мой друг Иван.

-Да, — угрюмо прошептал я.

— Да не бойся ты, нам умирать рано ещё, — весело проговорил Ваня, хлопая меня по плечу.

— Да чего уж тут бояться. Мы здесь надолго, — вздохнул я и, присев, опустил голову. Вскоре Иван ушёл, и я остался один. Глядя на луну, которая светила в проход, я думал о сегодняшнем походе за водой: ведь у нас её действительно осталось совсем мало. Вскоре подошёл весь отряд.

— Готовы? — спросил командир.

— Так точно! — последовал ответ.

Сначала мы шли в полный рост по одному, а затем пришлось ползти. Уже снаружи, у колодца, слышались голоса немцев.

— В бой, — шепнул командир. Раздался залп. Затем ответные очереди, крики и команды. Я подбежал к колодцу и торопливо опустил ведро.

— Костя, поднимай ведро! — крикнул командир. Сердце заколотилось, а мозг выдавал только одно: «Быстрее крути ручку. Быстрее!». Вскоре я поднял ведро, схватил его и побежал назад, к каменоломням.

— Беги, Костя, беги, — крикнул командир. Раздался взрыв. Рядом со мной упал солдат. — Беги, беги, — прохрипел он и начал стрелять в сторону немцев. Я побежал, надеясь, что меня не пристрелят. За мной двигалось ещё несколько солдат во главе с командиром. Через несколько минут мы были у входа в каменоломни. Командир пересчитал нас: из двадцати осталось семь. Тринадцать человек погибло за шесть вёдер воды.

— Так, все в госпиталь, и по своим местам, — распорядился командир. Ещё с двумя товарищами мы дошли до госпиталя, а затем направились в казарму. Там меня встретил Иван, радуясь, что я жив.

— Повезло, — устало ответил я.

— Иди спать, — весело проговорил Иван, — заработал.

Я лёг на самодельную кровать и тут же отключился.

Меня разбудили выстрелы. Я вскочил и схватил винтовку. Наш взвод уже бежал к входу в каменоломни.

— Нас заметили, — прошептал один из наших. Как только мы добрались до самодельных укреплений из камня, раздались взрывы.

— Не дайте им подойти, — закричал кто-то. Я прыгнул к бойнице и, быстро прицелившись, выстрелил. Снова раздались взрывы. Одна из гранат упала рядом со стенкой, и меня откинуло метра на два назад. В ушах зазвенело. Через десять минут звон стал утихать. Рядом со мной с винтовкой в руках стоял рядовой, которого звали Рома. В этот момент к нам подбежал Ваня, держа в руках немецкий пулемёт. — Смотрите, что раздобыл, — весело прокричал он, изредка стреляя в сторону немцев.

— К Бурмину неси, — посоветовал Роман.

— Знаю, — ответил Иван и добавил: — Вы только тут держитесь!

— Не бойся, продержимся. Неси! — сказал я и выстрелил в толпу фрицев.

— Матуков! Сюда! — крикнул кто-то.

— Есть, командир! — ответил Рома и отбежал назад. У входа уже никого не осталось. Мы продвинулись немного вглубь. Немцы накрыли нас плотным огнём. Тогда я достал свою единственную гранату и кинул назад. Взрыв. Крики.

— Наступаем! -скомандовали сзади. Ко мне подбежал солдат, быстро установил пулемёт Максима и начал стрелять. Я отложил винтовку и стал держать ленту, чтобы оружие не заклинило. Стреляли мы так минут пять.

— Патронов мало осталось, отхожу! — доложил солдат. Я сказал ему, чтобы он уходил и обещал прикрыть его. Вдруг я увидел блеск со стороны немцев и спрятался. В ту же секунду струи огня пошли в мою сторону. Я начал отползать назад, к позиции.

— Стой! -скомандовали мне.

— Товарищ командир, у них огнемёты, как бить будем? — спросил я.

— А ты не бойся, стреляй метко, тогда и отобьёмся, — посоветовал взводный.

Я поблагодарил командира за совет и приготовился стрелять. Из-за угла вышел пулемётчик. Я тут же нажал на спусковой крючок и перезарядился. Тем временем пулемётчик уже открыл огонь. Вдруг в проход влетела пара гранат. Я моментально закрыл голову руками. Раздался грохот.

— Уходим! — послышалась команда. Я начал потихонечку отползать, скрываясь за клубами пыли.

Меня не заметили.

— Да ты заговорённый, — заметил Иван.

— Но уж очень угрюмый, — добавил Славик. Я признался, что настроение у меня паршивое.

— Да сейчас у всех подавленное оно, — махнул рукой Иван.

— Говорят, что немцы нас вглубь загоняют, — пояснил Славик. — Вон, например, в один из входов эсэсовцы проникли. А там ребята-новички. Ну, их всех и перерезали. Благо, бывалые пришли, заставили остановиться.

Беседовали мы недолго. Пути к воде оказались отрезаны, и поэтому нас через час собрали на работу. Она заключалась в том, что нужно было из мокрого известняка высасывать воду и сплёвывать её. Задрал головы вверх, мы устало

забирали влагу на камне. Никто ничего не говорил. Вдруг один упал. Это был Слава. Дима начал нащупывать пульс. Мы с Ваней продолжали добывать воду.

— Всё, нет больше Славика, — угрюмо произнёс Дима, стирая со лба умершего налёт известняка.

Через два часа нас сменили. Мы потащили труп к командиру, а затем похоронили товарища в братской могиле.

Думать я ни о чём не мог. Мыслей не было. Я просто старался держать себя в руках и, как бы мне ни хотелось поговорить со своим другом, я понимал, что ему сейчас тоже тяжело.

— Почему же Славик умер? — тихо спросил Иван. Я вспомнил, что сердце у Славы было слабое. Видимо, не выдержало напряжения.

Вскоре взводный позвал нас на обед. Мы молча встали и побрели. Сегодня еда ещё была обычной, но я понимал, что если мы отсюда не выберемся, нам придётся питаться чем попало.

Так и случилось. Через месяц нам сильно урезали норму. Мы были очень рады, когда узнали, что хотя бы запасы сахара довольно большие. Значит, мы ещё сможем продержаться.

Поев, я уселся на камни и вздохнул.

— Н-да-а, — промычал Иван, осматривая винтовку, — невесело всё это.

— Ты про воду? — спросил Дима.

— Да, про неё. Тебе ещё повезло. Меня вот каждые три дня посылают к колодцу, успокаивая тем, что я заговорённый, — сказал я.

— Да ты и вправду заговорённый! Сколько раз попадал в окружение, под обстрел — и всегда выбирался, — воскликнул Иван.

— Тоже верно, — согласился я. В это время командир приказал Диме, Ване и мне помочь ребятам копать новый колодец, так как старый был завален камнями. Мы побежали, надеясь, что нам удастся выполнить задание.

Почти три дня мы долбили известняк и наконец добрались до воды. Мы тут же опустили вниз ручной насос.

— Ура, — прошептал Дима. После этого в гарнизоне начался праздник, особенно для раненых. Хотя количество воды было ограничено, все были рады, что она хотя бы есть.

Через несколько дней стали готовиться к очередной вылазке.

— Слушай, а как Дима пойдёт? Он еле на ногах держится. На дозоре простоял целую ночь, — спросил я.

— Да как-нибудь продержится, — серьёзно ответил Иван. Я понял, что имел в виду Ваня: ситуация безвыходная, и придётся идти, несмотря на усталость.

Прошло минут тридцать. На этот раз собрали почти весь гарнизон. Мы вышли из каменоломен. Стояла тёмная безлунная ночь. Взвод за взводом мы тихо поползли к деревне. Вдруг мы услышали команду начальника гарнизона: «В атаку!» Поднявшись в полный рост, мы дали залп из винтовок. Я рванул вперёд, выставляя перед собой штык. Мне навстречу вышел немец и отбросил штык назад. Я упал, а открыв глаза, увидел, что фриц уже прицелился в меня. Я приготовился умереть. Но тут раздался крик. Немец оглянулся, и в этот момент на него набросился Иван и повалил на землю. Продолжая кричать, он молотил лежащего кулаками.

— Ваня, нет времени, бежим, — крикнул я, прикасаясь к его плечу.

— А? Что? — в недоумении спросил он. — Я думал, что эта гадина тебя пристрелила.

— Я живой, Ваня, — успокоил я товарища. Вскоре мы нагнали своих. Через минут десять перестрелка переросла в рукопашный бой. Мы хватали трофейные лопатки и резали всех, кто вставал на пути. Меня поразил Дима. Он, ослабевший, еле-еле передвигавшийся, носился и резал фрицев с одного удара. «Жестокие проблемы требуют жестоких решений,» — вспомнил я слова Ивана. И сейчас я их по-настоящему понял.

Между тем, мы уже прорвались к деревенским домам.

— Ваня, заходи! — крикнул я и начал стрелять через окно внутрь дома. Вдруг раздался взрыв. Всё стёкла сразу выбило. Осколок попал мне в плечо. Я упал и лежал, прижавшись к земле.

— Костя! Что с тобой!?! — спросил Иван.

— Руку задело, — прохрипел я. Друг помог мне встать и проводил до наших позиций, а сам снова ринулся в бой.

— Удачи, — прошептал я и пошёл вместе с отрядом бойцов в каменоломни. Я успел услышать, что деревню мы отобьём, но не удержим. Значит, из каменоломен нам не выбраться.

Как только мы дошли до пещер, меня тут же положили на операционный стол. Осколок вытащили. Было больно, но я старался не шевелиться. Наконец операция закончилась. Я огляделся: кругом лежали раненые. Весь пол был в крови. Я понял, что мне ещё здорово повезло.

Через несколько дней мы снова отправились за водой. Когда я вытаскивал очередное ведро, раздался взрыв. Мы ринулись туда, откуда доносился звук. Один дом обрушился. Мы стали разгребать завал.

— Стойте, — вдруг прошептал Иван. — Слышите? Кто-то стонет.

Я отодвинул камень и увидел ребёнка.

— Живой, — сказал я и аккуратно вытащил мальчика. Он медленно открыл глаза и попросил пить. Я кивнул Ивану, чтоб тот бежал в госпиталь за помощью.

— Потерпи. Скоро всё будет хорошо, — глядя по голове мальчика, сказал я.

— Нет, дядя, не будет.

В глубине души я понимал, что ему не выжить. Я стёр пыль с его лица.

— Я посплю, — прошептал он.

— Нет, нельзя, — запротестовал я, но было уже поздно: мальчик закрыл глаза и затих. Я снял каску. Все остальные сделали то же самое. Через пару минут вернулся Иван.

— Поздно, — тихо проговорил Сергей. Я встал, держа мёртвое тельце, и побрёл. По щекам катились слёзы.

В катакомбах мы были уже третий месяц. Нас осталось совсем мало: одни погибли под вражеским огнём, другие — задохнувшись от газов, которые немцы пускали внутрь пещер. Еда почти закончилась, остался только сахар. Проблемы с желудком были у всех. Но сладкие кристаллы давали нам силы, чтобы прожить хотя бы ещё один день. И мы продолжали сопротивляться.

Через некоторое время из всего гарнизона в живых осталось человек пятьдесят. Мы с трудом могли передвигаться, ослабев от голода; раненые стонали от боли.

Однажды я лежал за пулемётом у одного из входов в каменоломни. Рядом никого не было. Послышались голоса немцев. Из последних сил я прицелился в одного из них и выстрелил. В просвете я увидел, как , падая, он взмахнул рукой, в которой была зажата граната.

В памяти снова всплыли слова Ивана: «Жестокие проблемы требуют жестоких решений». И вдруг я осознал, что когда ситуация становится безысходной, остаётся только одно решение: стоять до конца и не сдаваться.